

Л. Гудков

К ИСТОРИИ ОДНОГО НЕЗАВЕРШЕННОГО ПРОЕКТА

Предложение «НЛО» переиздать нашу книжку о социологии литературы удивило и обрадовало меня. «Литература как социальный институт» была первым выпуском серии «Научная библиотека» издательства, ставшего с течением времени одним из самых авторитетных предприятий в сфере гуманитарного знания в России. Сегодня старые споры о теории и истории литературы, открытости литературоведения и его потенциале, идеологической политике государства в сфере книгоиздания и прочее потеряли свой смысл вместе с исчезновением массового интереса к литературе. Литература утратила какие бы то ни было иллюзии привилегированности своего статуса, который она якобы имела у гуманитарной бюрократии. С исчезновением интеллигенции ее претензии на «миссию несения и защиты высокой культуры» потеряли какой бы то ни было смысл. Советское «дефицитарное общество» стало наконец «потребительским». У тех, кто заменил интеллигенцию, кто несколько манерно объявил себя «креативным классом», нет интереса к литературе, истории, знанию, равно как нет нужды оправдываться перед кем-либо за свое невежество, вкусы и тем более заниматься реабилитацией или анализом массовой культуры. Новые каналы открыли ранее запретные ресурсы для коллективной идентификации — православие, гедонизм массового потребления, агрессивный национализм, самодовольство «класса усредненных». Появились новые источники знания о действительности — экономические, социологические, демографические исследования, возникла

газетная и сетевая публицистика, вытеснившая литературу и литературную критику из зоны общественного внимания. Сама литература стала скучной, не дающей читателю особых средств для понимания себя и окружающей жизни. Она погрузилась в почти бессознательное перебирание мотивов человеческой несостоятельности и мелочности существования (занятие, чаще всего прикидывающееся «воспоминаниями» о пережитом когда-то насилии и предательстве) либо в эскапистские фантазии о параллельных мирах, утопиях и других утешениях бедного социального воображения. Точка зрения социологии литературы сегодня оказалась избыточной и ненужно сложной. Но именно поэтому я искренне благодарен «НЛО» за сделанное предложение.

С этой книгой, которая для нас с Борисом Дубинным стала первым более или менее систематическим изложением теории этой дисциплины, связан большой кусок нашей жизни — больше 15 лет интенсивной и веселой работы, споров с историками литературы, вдохновений, разочарований, надежд, уныния и т. п., что обычно сопровождает общее дело. Но с тех пор, как она вышла, я редко открывал ее, занимаясь другими научными предметами, и, готовя ее сегодня к печати, перечитывая старые тексты, переживал самые противоречивые чувства — иногда удивления, иногда досады.

Наша книжка воспроизводит все особенности переходного состояния — от самиздата (фазы «устной социологии», атмосферы научных семинаров конца 1970-х — начала 1980-х годов) к новой публичности. Крах советской системы, который тогда казался окончательным, открывал множество новых возможностей. Снятие цензуры, возникновение независимых научных институтов, журналов, издательств, партий, газет, появление мелких кооперативных издательств и проч. сделали реальными перспективы выхода к публике из ранее закрытых сообществ, в которых мы тогда жили, публикацию «непроходных» текстов, давно лежавших в столах. Все стало возможным, но начинать и делать надо было только самим, у новых организаций, при их смелости и открытости, не хватало ни сил, ни средств. Надо было спешить, компетентность к ним пришла позже.

Поэтому первые наши издания выглядели очень кустарно и дилетантски¹. У книжки не было литературного редактора (фигуры, ненавистной многим авторам прежде), о чем сегодня приходится сожалеть; в ней много еще чего осталось от «самопала» и «самодеятельности»: верстку и макет готовили наши коллеги в первом ВЦИОМе. От условий цензуры 1970–1980-х годов — известная «герметичность» письма, особенно в ранних текстах, написанных скорее «для себя», чем «для других», излишний упор на строгости терминологии (которую мы сами же тут и вырабатывали) и многое другое. Все эти недостатки тогда казались не слишком важными, главное — давно написанные тексты, содержащие, как мы были уверены («мы новые», «мы придумали!»), развернутую теоретическую схему или проблемную карту социологии литературы, наконец были опубликованы. После нее еще выходили наши статьи и книги², отчеты по законченным проектам исследований чтения и издательской деятельности,

¹ Например, «Статьи по социологии» Ю. Левады — сборник статей, написанных в 1970–1980-е годы, почти не известных никому из-за запрета на упоминания в печати имени автора. Он был собран и опубликован без ведома самого Ю. А., поскольку мы готовили его как подарок к его 60-летию. Помимо этого сборника, именно так, «в частном порядке», в 1991–1993 гг. мы издали коллективные монографии «Есть мнение» (М., 1991), «Советский простой человек» (издательство «Мировой океан»), я — свою «Метафору и рациональность» («Русина», 1994) и др.

² Гудков Л., Дубин Б. Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях. М.: ЭПИЦентр; Харьков: Фолио, 1995; Дубин Б. Слово—письмо—литература. М.: НЛО, 2001; Гудков Л., Дубин Б. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 2001. № 2. С. 31–45; Они же. Институциональные изменения в литературной культуре России (1990–2001 гг.) // Там же. 2002. № 6. С. 43–55; Они же. «Эпическое» литературоведение: стерилизация субъективности и ее цена // НЛО. 2003. № 59. С. 211–231; Гудков Л. Институциональные рамки чтения: консервация культурных разрывов // Читающий мир и мир чтения. М.: Рудомино, 2003. С. 20–38; Гудков Л., Дубин Б. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура. М.: ОГИ, 2003. С. 13–89; Гудков Л. Институциональные рамки чтения: консервация культурных разрывов // Читающий мир и мир чтения. М.: Рудомино, 2003. С. 20–38; Гудков Л., Дубин Б. Разложение институтов позднесоветской и постсоветской культуры // Куда пришла Россия?. Итоги социетальной трансформации. М.: МВШСЭН, 2003. С. 174–186; Они же. Российские библиотеки в системе репродуктивных институтов: контекст и перспективы // НЛО. 2005. № 74. С. 166–202, и др.

но такой, с нашей с Борисом точки зрения, более или менее систематизированной картины научных разработок, концептуальной основой которых мог бы служить предлагаемый теоретический подход, уже не было.

Как это часто бывает, повод для начала этой работы был случайным: нашей руководительнице — заведующей Сектором книги и чтения Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ) Валерии Дмитриевне Стельмах — нужно было подобрать какие-то работы и составить небольшой список публикаций по социологии литературы для выступления на очередной конференции ИФЛА (Международной федерации библиотечных ассоциаций). Сам по себе этот запрос оказался катализатором для разработки новой теории литературы, необходимой для интерпретации уже проведенных в секторе исследований (опросов читателей в малых городах и в селе) и накопленного, действительно огромного и уникального по своей сути массива данных, регулярно, раз в два года, получаемого из тысяч массовых библиотек по всему Союзу в рамках программы исследований «Динамика чтения в массовых библиотеках СССР»³. (Только в СССР и только в позднее советское время можно было установить такой порядок сбора эмпирической информации.) Растущая неудовлетворенность качеством интерпретации этих данных была вызвана тем, что рутинные классификационные таксономии литературных произведений (жанр, тематика, вид и т. п.) демонстрировали свою все большую бессмысленность и непродуктивность. Попытки эклектической типологии данных, характерные для библиотековедения, с его дидактическими или псевдоэстетическими подходами и определениями, выработанными под задачи идеологического «руководства чтением», разбивались об устойчивые предпочтения читателей. Интервью читателей, которые мы проводили, показывали, что люди хотели читать совершенно не то, что предлагалось партийными начальниками, и, уж точно, мыслили себя

³ Этот массив образовался посредством регулярной фиксации библиотечарями записей из книжных формуляров о взятых книгах и журналах. Они соотносились с самыми общими социально-демографическими характеристиками читателей (пол, возраст, образование, характер занятий).

и свои интересы в иных категориях, нежели библиотечные «жанрово-тематические комплексы». Это была первая причина; вторая — острый соблазн «посмотреть» через то, что читают люди, что для них важно, на то, что происходит в реальности. Он был слишком велик, чтобы довольствоваться той жвачкой, которая появлялась в результате завершения обчетов библиотечных списков читаемых книг.

То, что составляло предмет читательского спроса, — дефицитные книги, запираемые заведующими библиотек в отдельные шкафы и выдаваемые для «своих читателей», насчитывало всего 2–3% от номенклатуры издаваемых книг. И, напротив, свыше 50% издаваемых книг и журналов (преимущественно, конечно, общественно-политического плана, но не только) никогда не открывались читателем и спустя недолгое время списывались в утиль. Основа массового спроса в библиотеках складывалась, прежде всего, из толстых романов-эпопей Г. Маркова, П. Проскурина, А. Черкасова и им подобных, тривиальных по своей поэтике, но издаваемых миллионными тиражами и — главное — читаемых, причем по собственной воле, а не из нужды, отсутствия других книг или принуждения. Хотя бы поэтому само явление заслуживало гораздо большего внимания и интереса к себе, чем снобистское презрение к «секретарской» или «советской литературе», присущее хорошим литературоведам и историкам литературы. Но отнестись к ним серьезно можно было, только сделав их предметом не эстетической оценки (хотя и это было бы в высшей степени интересным, если анализировать их с точки зрения того, как «оседают» в этом литературном иле приемы и конструкции, разработанные на предыдущих стадиях литературного процесса авангардными авторами), а социального, культурного, даже антропологического анализа. В этих бездарных с точки зрения «высокой» литературы произведениях можно было увидеть следы важнейших социальных и антропологических процессов: завершения формирования тоталитарного сознания и начало его разложения в ходе крайне противоречивой модернизации, скорее — в форме урбанизации, появления «массового общества», но не западного открытого типа, а совершенно

иногое — внутренне закрытого, дефицитарного, лишённого внутренних механизмов автономной самоорганизации. Тогда мы только начали нащупывать едва проступающие черты того русского имперского национализма, который сегодня, спустя 40 лет, превратился в основу национальной идентичности. Под мертвой уже тогда оболочкой советской (как бы марксистской) идеологии шли совершенно другие процессы, которые в тот момент казались отклонением или мало значимыми странностями. В этих романах-эпопеях прорабатывались, перерабатывались, соединялись, казалось бы, несоединимые мотивы: очень тривиализированная славянофильская метафизика «почвы и крови» с апологией сталинской модернизации, оправданием террора и антизападничества, универсализм городских представлений о времени с консервативной, как бы архаической деревенской локальной моралью. Будь мы тогда поумнее, начитаннее или обладай мы инструментарием, опытом и знаниями, которыми мы располагаем сегодня, можно было бы увидеть, как распространяется эта новая, аморфная, эклектическая, но именно поэтому все более действенная изоляционистская идеология русского национализма (идеология не гражданской нации, а авторитарного фундаментализма, этого своего рода *китча* советского тоталитаризма), из каких элементов и их соединений она состоит, какими средствами она пользуется. Соответствующая рецепция такого теоретического подхода и знания позволила бы гораздо точнее диагностировать механизмы трансформации и разложения тоталитарного сознания, логику распада и реверсного восстановления тех институтов, которыми они определяются, а соответственно, более адекватно представлять себе нынешнее состояние (ментальное, моральное) российского населения. Но что об этом говорить. Ни литературная критика, ни мы сами не были готовы к такой работе. И дело не в идеологической цензуре. В тот момент эти, не отмеченные каким-либо анализом фундаменталистские литературные потоки сливались с другими или терялись на фоне гораздо более ярких произведений деревенской прозы, городской литературы, артикулирующей пробивающуюся автономную субъективность.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Гудков. К истории одного незавершенного проекта . . . 5

Л. Гудков, Б. Дубин.

Литература как социальный институт

От авторов	38
Литература как социальный институт	46
Социальный процесс и литературные образцы	153
Письменное и аудиовизуальное в культуре	215
Миры литературы (о возможности эмпирического изучения)	233
Типология читателей как исследовательская проблема	256
Образ книги и ее социальная адресация	266
Паралич государственного книгоиздания: идеология и практика	342
Журнальная структура и социальные процессы	376

Приложение

Пределы рационализации: идеология vs теория

<i>Л. Гудков.</i> Трансформация ценностных оснований исследования в процессе формирования социологии литературы	458
<i>Л. Гудков, Б. Дубин.</i> Сознание историчности и поиски теории: исследовательская проблематика Тынянова в перспективе социологии литературы	500
<i>Л. Гудков, Б. Дубин.</i> Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России	514

<i>Л. Гудков. Понятие и метафоры истории</i> <i>у Тынянова и ОПОЯЗа</i>	<i>537</i>
<i>Б. Дубин. Литературный текст и социальный контекст .</i>	<i>559</i>
<i>Л. Гудков, Б. Дубин. К понятию литературной культуры .</i>	<i>574</i>
<i>Л. Гудков. Социальные механизмы динамики</i> <i>литературной культуры</i>	<i>583</i>
<i>Л. Гудков, Б. Дубин. Библиотека</i> <i>как социальный институт</i>	<i>598</i>
<i>Б. Дубин. Книга и дом</i> <i>(к социологии книгособирательства)</i>	<i>616</i>
<i>Б. Дубин. О технике упрощенчества и его цене</i>	<i>639</i>
<i>Л. Гудков, Б. Дубин. Литература и общество.</i> <i>Введение в социологию литературы</i>	<i>648</i>
<i>Л. Гудков, Б. Дубин. Невозможность истории</i>	<i>712</i>
<i>Источники текстов</i>	<i>774</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>776</i>